

А.Р. ЛУКИНОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского городского психолого-педагогического университета
allareinold@mail.ru

СЛОВО «ДУШИСТЫЙ» В ПОЭЗИИ А. А. ФЕТА

Статья посвящается исследованию употребления слова «душистый» в поэзии А.А. Фета в связи с проблемой эволюции его творчества.

Ключевые слова: душистый, различные значения, символический, природа, впечатление, хронологическая последовательность.

Изучение ключевых слов лирики А.А. Фета и изменений в их употреблении, связанных с интенсивным творческим поиском в разные периоды жизни, представляется важным для решения проблем эволюции мировоззрения и художественного метода поэта. Слово «душистый» встречается как в ранних, так и в поздних стихотворениях, и значения его вследствие употребления в разных контекстах часто, как это обычно бывает с ключевыми для поэта словами (например, «звезда», «блеск»), неожиданны, или наслаиваются одно на другое, или перерастают в символические.

I

Определение *душистый* в лирике А.А. Фета может относиться к названиям цветов, к слову *весна* или другим словам, употреблённым при описании весны или цветов (например, *холод*, *чистота*). Особенно велика роль слова *душистый* в стихотворениях, относящихся к разделу «Весна». Но встречается оно и в других разделах. Интересно рассмотреть его употребление в хронологическом порядке.

Стихотворения 1840–1856 гг.

В разделе «Весна» находим 6 стихотворений со словом *душистый*. Два раза оно относится к названиям цветов и употребляется в прямом значении, четыре раза – к словам, указывающим на обобщённо-отвлечённые понятия: *весна*, *холод*, *чистота*, то есть характеризует состояние природы или ощущение. Такие сочетания передают более полное впечатление, основанное на восприятии разными органами чувств, как бы охватывающее человека полностью. Вот в каких стихотворениях это происходит:

«Уж верба вся пушистая...», 1844, – *весна душистая* [Фет, 1937: 54]; «Ещё весна – как будто неземной...», 1847, – *душистый холод* [Фет, 1937: 54]; «Весенние мысли», 1848, – *душистый ландыш* [Фет, 1937: 57]; «Пчёлы», 1854, – *душистая сирень* [Фет, 1937: 56]; «Первый ландыш», 1854, – *душистая чистота* [Фет, 1937: 58]; «Ещё весны душистой нега», 1854 [Фет, 1937: 56].

Пять стихотворений со словом *душистый* находим в других разделах: 3 раза оно относится к названиям цветов, 1 раз – к слову *цветы*, 1 раз определяет слово *венки*, 1 раз – слово *лес*.

В стихотворении 1854 года «Как здесь свежо под липою густою» из раздела «Лето» цветки липы названы *душистые опухляки* [Фет, 1937: 66], а в стихотворении 1855 года «О друг, не мучь меня жестоким приговором!» из раздела «Разные стихотворения» находим выражение «теперь *душистей лес*» [Фет, 1937: 185]. В том же разделе есть стихотворение 1855 года «Вчера, увенчана *душистыми цветами*...» [Фет, 1937: 188]. При многообразии предметов, определяемых словом *душистый*, само оно в этих произведениях употребляется в прямом значении. Отметим, что выражение «увенчана

душистыми цветами» (а не именно слово *душистый*) является знаком выделенности героини стихотворения.

В разделе «Мелодии» есть стихотворение «Свеж и *душист* твой *роскошный венок*» 1847 года [Фет, 1837: 95], где начальная строка повторяется 6 раз, обрамляя 3 строфы, а употребление слова *душистый* уникально: происходит наращивание значений слова *венки* в сочетании с определениями *душистый* и *роскошный* в зависимости от контекста каждой строфы. Если в первой строке стихотворения речь идет о *душистом венке* как 'пахучих цветах', то есть имеется в виду прямое значение как словосочетания в целом, так и отдельных слов, входящих в него, то уже в последней строке первой строфы *душистый роскошный венок* составляют сплетающиеся с цветами «кудри», которые «обильны и пышны», и это создает дополнительное метафорическое значение. Как справедливо заметила исследовательница творчества Фета Н.М. Мышьякова, во второй строфе создается «синкретический образ, в котором слиты прямой и метафорический смыслы», а в конце появляется символ, наполненный «психологическим, эмоциональным и изобразительным содержанием» [Мышьякова, 2004: 102].

Определение *душистый*, относящееся к названию цветка, находим в стихотворении из раздела «Подражание восточному» «Соловей и роза» 1847 года, где есть выражение *головка душистая розы*:

И к утру свершилось чудо:
Краснея и млея сквозь слёзы,
Склонилась к ветке упругой
Головка душистая розы. [Фет, 1937: 45]

Элемент романтической традиции, где «соловей» и «роза» – выражение идеала, присутствует в этом стихотворении, и тогда *душистый* – свойство идеала. Но интересно, что у Фета не *роза душистая*, а *головка душистая розы*, и в строфе есть детальное её описание как живого движущегося существа, что сразу создаёт наложение метафорического смысла и вызывает ассоциации с другими образами произведений Фета, где речь уже идет действительно о женщине. Например, в стихотворении «Муза» 1854 года находим такие строки: «Отягощала *прядь душистая* волос головку дивную» [Фет, 1937: 182]. В стихотворении же 1883 года «Только в мире и есть...»: «Только в

мире и есть, что *душистый* милой головки *убор*» [Фет, 1937: 111] – слово *душистый* означает не только 'приятно пахнущий, надушенный', но и 'подобный идеалу, необходимо имеющему это свойство', а такое значение присуще слову-символу. Переключки ранних и позднего стихотворений свидетельствует, по-видимому, о таких общих чертах поэзии Фета, как сосуществование разных смыслов слова и многообразие оттенков значения слова даже в очень похожих контекстах, но в которых всё-таки нет одинаковых сочетаний слов. Главное же, думается, в том, что, сравнивая стихотворения разных периодов, удастся заметить направление мировоззренческого поиска поэта, выразившееся во все более частом употреблении слов-символов, характеризующих, однако, предметы не возвышенные и не являющиеся романтическими «знаками». В данном случае явно движение мысли от отвлечённых образов «розы» и «музы» к реальному образу земной женщины, который вытесняет прежние, и к осознанию земной любви как высшей ценности.

Стихотворения 1857–1875 гг.

В стихотворении из раздела «Весна» «Весенний дождь» 1857 года слово *душистый* передает аромат момента весенней жизни природы в его восприятии человеком, а остальные детали дают зрительную или слуховую характеристику, воспроизводя заворачивающую атмосферу мощи надвигающегося:

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым мёдом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит. [Фет, 1937: 60]

Так создаётся картина методами импрессионистов. Нельзя сказать, что прилагательное *душистый* в этом стихотворении служит определением к слову *мёд* в его прямом значении: никакого мёда нет. Метафорическое выражение «*душистым мёдом* тянет» определяет аромат момента.

Стоит заметить, что импрессионистическое начало сильно и в стихотворении из раздела «Мелодии» «Солнце ниже лучами в отвес...» 1863 года. Особенно ярко зрительное впечатление передано в таких строках первой строфы, как «солнце ниже лучами в отвес...», «и дрожат испарений струи у окраины ярких небес». Не случайно со-

временникам, в частности В.П. Боткину, именно эти строки показались неясными, необъяснимыми, неудачными, о чем он пишет Фету в письме от 10 декабря 1863 года [Фет, 1937: 701]. Думается, подобное головокружительное ощущение необъятных стихий мира, переливающихся одна в другую, а также яркость и резкая динамичность изображения ближе литературе XX века и, может быть, нашему современнику. Недаром подобное размывание границ разных стихий можно встретить в поэзии Б.Л. Пастернака, например, в стихотворении «Сосны»:

С намеренным однообразием,
Как мазь, густая синева
Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава <...>
И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится все время мне.
[Пастернак, 1998:410]

Похожее явление можно найти у С.А. Есенина, например, в стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся...»:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных<...>
Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле... [Есенин, 2003:42]

Образ, перекликающийся с фетовским, находим в начале романа братьев Стругацких «Улитка на склоне»: Перец, главный герой, влюбленный в лес и мечтающий туда попасть, сидя на обрыве, именно на границе леса видит поднимающиеся к небу испарения.

У Фета речь идет о лесе как могущественной стихии, огромном отрадном мире, подобном морю:

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес;
Распахни мне объятия твои,
Густолистый, развесистый лес! [Фет, 1837:105]

Характерное для поэзии Фета сочетание далёких друг от друга понятий *душистая тень* в та-

ком контексте, то есть при переключках со словами *море, густолистый, развесистый, пышный навес, потонул, исчез*, лишается камерного значения, какое есть, например, в сочетаниях *отойти в тень, постоять в тени*. Прилагательное *душистый* и существительное *тень* в значении 'прохлада' выступают как две главные характеристики целого мира лесной стихии в восприятии человека, его обоняния и осязания.

В стихотворении «Мотылёк мальчику» 1860 года из раздела «Разные стихотворения» представление о кратковременности жизни мотылька дано в его мольбе дать «жизнию упиться день один», что создаёт впечатление мгновенности зарисовки полного жизни дня «неувядающего мая». Вне этой общей картины сочетание *душистая ветка* выглядело бы обеднённо:

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой...
[Фет, 1937: 197]

Значение определения *душистый* оказывается связанным с общим впечатлением дня, жизни мира.

Сочетание *душистый свод* вне контекста может быть понято по-разному. В стихотворении «Ещё акация одна ...» 1859 года речь идет о том периоде весны, когда ещё нет густой зелени, образующей замкнутый свод, а из кустарников цветёт только «акация одна»:

Ещё акация одна
С цветами ветви опускала
И над беседкою весна
Душистых сводов не скругляла. [Фет, 1937: 201]

Поражает реалистическая точность зарисовки картины в соотношении со временем и с определённой ситуацией в природе, характеристикой которой и служит отсутствие *душистых сводов*.

В стихотворении «Только встречу улыбку твою...» 1873 года находим сочетание *душистая колыбель*, которое, как и предыдущие, вне контекста не имеет того смысла, который появляется в стихотворении. *Душистая колыбель* – это сам цветок розы в момент его полного расцвета, и слово *душистая*, употреблённое в прямом значении, это подчёркивает:

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленную трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой её колыбелью. [Фет, 1937: 211]

Но возможно и наслоение смысла: красота розы воспринимается в отрыве от её *колыбели*, отвлечённо, как и красота девушки. Тогда *душистый* служит символическим определением высшего понятия – *молодой владычицы сада* – красоты, и возникает параллелизм: красота розы – красота человека – красота вообще, которой «и песен не надо».

Итак, в этот период творчества Фета слово *душистый*, как правило, является одним из важнейших определений не единичного предмета, например *душистого ландыша*, а мощного, многостороннего явления естественной жизни природы, способного овладеть чувствами человека: стихии леса, цветущего весеннего дня, периода весны, красоты вообще.

Стихотворения 1876–1892 гг.

В стихотворении «С бородою седою верховный я жрец...» 1884 года речь идёт о сущности поэзии и о поэте – жреце красоты, своим искусством сохраняющем навсегда красоту души человека:

С бородою седою верховный я жрец,
На тебя возложу я душистый венец...

...И раскроет потомку минувшего мгла,
Что на свете всех чище ты сердцем была.
[Фет, 1937: 217]

Верховный жрец возлагает *душистый венец*, что заставляет воспринимать его как ‘награду’ в традиции античности. Но в соотношении с последними строками стихотворения выражение *душистый венец* становится символом отмеченности, выделенности человека в его причастности к лучшему в мире, возможно, святости, а значение слова *венец* здесь – это ‘ореол, светлый ободок вокруг небесного светила, вокруг головы на иконе’ [Ожегов, 1968: 69]. Но у Фета он не только светлый (визуальное восприятие), но и *душистый* (запах), и только при этом условии явление в поздней поэзии Фета становится идеальным. Определение же *душистый* заставляет вспомнить о значении слова *венки* – ‘украшение из цветов’.

В этой связи представляется важным отрывок из письма А.А. Фета И.С. Тургеневу от 18 января 1858 года, где А.А. Фет, рассуждая о поэтическом даре Тургенева и выделяя его среди современников, использует именно слово *душистый*: «В свободное время не забывайте нас своими корот-

кими, но *душистыми* письмами... Вашу душу я бы сравнил ... с утренним лесом, в котором видишь одни распускающиеся почки плакучих берёз, но по ветру несёт откуда-то запахом черёмухи, и слышно жужжание пчелы ... Вы милейший и драгоценный для меня поэт ... Жена ... наивно воскликнула: «Да он и в письмах-то какой мастер!» [Фет, 1982, 2: 202]. Несомненно, что слово *душистый* для Фета служило знаком особой отмеченности и связывалось с совершенством, эталоном его для Фета была атмосфера русского весеннего леса, представление о котором всё-таки сохраняется «на дне» каждого образа при всём сложном наложении смыслов.

В уже упоминавшихся стихотворениях «Свеж и душист твой роскошный венок...» 1847 года и «Вчера, увенчана душистыми цветами...» 1855 года *венки*, то есть *душистые цветы*, – вневременная, неотъемлемая часть внешнего облика девушки, подчёркивающая её причастность к миру красоты. Образ *душистого венка* перекликается с образом *короны звездной*: «...Моя малютка снилась мне в *короне звездной*» [Фет, 1937: 171], где *корона звездная* – символ мира красоты («Ах, дитя, к тебе привязан...», 1843).

Следовательно, символическое сочетание *душистый венец*, многослойное по своей смысловой наполненности, появляется в позднем стихотворении Фета как итог развития темы светлого начала в мире – оно воплощено в образе земной женщины.

Стихотворения «Если радует утро тебя...» 1887 года и «Роями поднялись крылатые мечты...» 1889 года посвящены возможностям искусства и впечатлениям жизни как его источнику, то есть *душистой пище* [Фет, 1937: 233] поэзии. Сочетание *вечно душистая роза* [Фет, 1937: 224] здесь – символ быстро исчезающей красоты природы, запечатлённой «в стихе» навек.

Сочетание *сплошной душистый цвет садовый* в стихотворении «Давно ль на шутки вызывала...» 1890 года выглядит как аллюзия из ранних стихотворений Фета о весне, а слово *душистый* здесь употребляется одновременно и в прямом камерном значении ‘пахучий’, и в переносном – ‘столь замечательный, как аромат весеннего сада’ – как характеристика весеннего состояния мира. Неожиданно появляющаяся картина весны в стихотворении, посвящённом психологии человека, столь полна и свежа сама по себе, что не может

восприниматься как символическая, – параллелизм состояний природа и человека даёт возможность понять его психологию:

– Друг, не зови её суровой.
Что снегом ты холодным счёл, –
Сплошной душистый цвет садовый,
Весенний вздох и счастье пчёл. [Фет, 1937: 235]

Таким образом, целых три стихотворения из этой группы посвящены теме назначения поэзии и возможностей поэта, а слово *душистый* в них приобретает совершенно новое по сравнению с предыдущими периодами звучание и используется по-новому, в сложном наложении разных его значений, все больше приобретая символический характер. Использование же слова *душистый* в последнем из рассмотренных стихотворений, пожалуй, можно назвать уникальным в поэзии Фета.

II

Особую группу образуют слова, употребляющиеся с определением *душистый* и указывающие на женские волосы, причёску: *локон*, *волоса* и т.п. Вот в каких произведениях они встречаются.

Стихотворения 1840–1856 гг.

Найдено три стихотворения этого периода со словом *душистый*: как свойственно поэзии Фета, при сходстве сочетаний со словом *душистый*, совершенно одинакового словоупотребления все же нет.

В стихотворении из раздела «Элегии и думы» «Когда мечтательно я предан тишине» 1847 года встречаем выражение *волоса душистые* [Фет, 1937: 4]. Строка «Твой *душистый*, твой послушный *локон*, развиваясь, падает на плечи» [Фет, 1937: 92] повторяется в начале и в конце стихотворения «Фантазия» 1846 года, привнося в его строй музыкальный ритм (раздел «Мелодии») и особую смысловую и ритмическую завершенность. «*Прядь душистая волос*» [Фет, 1937: 182] в стихотворении «Муза» 1854 года (раздел «Разные стихотворения») принадлежит музе поэта, хотя Фет и «подчеркивает в своей музе ... простые и милые черты, которые могут быть принадлежащими не столько нетленной богине, сколько простой женщине», по наблюдению Н.М. Мышьяковой [Мышьякова, 2004: 63].

Так постепенно прилагательное *душистый* становится одним из «знаковых» слов поэзии Фета.

Однако во всех трех стихотворениях нет выходящего на первый план идеала земной возлюбленной и любви как высшей ценности, в связи с этим и слово *душистый* имеет прямое значение, без подчеркнутой выделенности характеризуемого им явления.

Среди стихотворений, созданных в период с 1857 по 1875 г., нет ни одного, где бы слово *душистый* относилось к женской причёске.

Стихотворения 1876–1892 гг.

В этот период написано единственное стихотворение, соответствующее рассматриваемому виду произведений, «Только в мире и есть...», датированное 3 апреля 1883 года и помещенное в раздел «Мелодии». В нем находим уже упоминавшуюся строку *душистый милой головки убор* [Фет, 1937: 111]. Четыре строфы стихотворения, начинающиеся одинаково: «Только в мире и есть...» – постепенно приводят, по замечанию М.Л. Гаспарова, к мысли о невероятной сосредоточенности лирического героя стихотворения на единственном для него бесконечно любимом женском образе, в котором дорого даже то, что обычно не считается возвышенным и удивительным («влево бегущий пробор») [Гаспаров, 2001: 41]. В таком контексте слово *душистый* не только выступает в своем прямом значении, характеризуя один из многочисленных приятно пахнущих предметов, но и является «знаком» уникального.

III

Определение *душистый* в стихотворении «Ты видишь, за спиной косцов...» 1864 года относится к слову *ужин*, что является единичным фактом в поэзии Фета и заставляет обратить на него особое внимание.

Это стихотворение из раздела «Лето» интересно соединением рассказов о завершении работы косцов с включением бытовых реалий и о созерцании сменяющихся картин постепенного наступления вечера, в частности вечернего неба. Н.Н. Скатов в работе «Некрасов и Фет» писал о «зарисовках деревенского быта и приметах крестьянского труда», встречающихся в стихотворениях Фета [Скатов, 1986: 179], и в связи с этим о демократизме Фета [Скатов, 1986: 177]. Это явление представляется важным для определения характера творческого метода Фета и его эволюции. Интересно также в этом стихотворении, каким

образом описано окончание работы косцов и наступление ужина и вечера, – всё это содержание передано одной импрессионистически сочной деталью:

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым...
[Фет, 1937: 68]

В стихотворении даётся характерный для произведений Фета ряд далёких друг от друга явлений и, однако, сосуществующих. В этот ряд включены и конкретные слова, указывающие на бытовые понятия («косы», «пар котлов», «ужин душистый»), и названия абстрактных понятий, переданные словами в переносном значении («душа смиренная», «дыханье ночи»), и названия, передающие черты летней земной природы («ряд цветов», «тень и аромат», «туч края»), и слова, обозначающие явления космические, из мира Вселенной («дня светило», «звёздный полог»).

Мотив стихотворения создаётся переключкой ключевых слов, передающих зрительные впечатления и ароматы: «лиловый дым» – «тень» – «звёздный полог» и «душистый» – «пахучий» – «аромат». Из таких компонентов складывается «дыханье ночи», которое свободный созерцатель ощущает как явление жизни мироздания.

Известны два черновых варианта первых строк этого стихотворения, по которым можно судить о движении мысли поэта:

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнула сталь в закате ярком,
И поздний дым от их котлов
Упитан праздничным приварком.

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнула сталь лучом багровым,
И поздний пар от их котлов
Упитан ужином здоровым. [Фет, 1937: 640]

Уточнялись, как видим, две строки: вторая и четвёртая. В результате из описания кос во второй строке ушла *багровая яркость заката* и слово *сталь* было заменено на *косы* – картина сделалась более мирной, а указание на время окончания работ усилилось – «сверкнули косы блеском чистым». В то же время при сравнении вариантов особенно заметно стремление поэта передать поразительное впечатление блеска кос в луче за-

ката. (Подобные прорывы, думается, и сближают поэзию Фета с поэзией XX века). Это и сохранилось в окончательном варианте: не в страшноватом слове *багровый*, а усиленное повтором синонимических слов *сверкнули косы блеском*...

Первоначальная же грубая натуралистичность четвёртой строки, включавшей слово *приварок*, позже чуть смягчённая в выражении *ужин здоровый*, исчезла с появлением эпитета *душистый*, сразу занявшего место в ряду слов этого стихотворения, передающих чувственные ощущения. Кроме того, слово *душистый* принадлежит миру поэзии Фета, а значит, употребленное в любом сочетании, вызывает многообразные ассоциации в общем контексте творчества поэта.

IV

Некоторые важнейшие итоги нашего небольшого исследования сходны с результатами, полученными при исследовании других ключевых слов поэзии А.А. Фета, в частности слова «звезда» и слова «грач». Так, прилагательное *душистый* употребляется наиболее часто в стихотворениях первого периода творчества А.А. Фета в многообразных сочетаниях, при этом превалирует употребление слова в прямом значении. (В стихотворениях 1876–1892 гг., в отличие от более ранних, часто вместо прилагательного *душистый* употребляется *благовонный*.) Среди стихотворений третьего периода есть такие, где сочетание со словом *душистый* приобретает характер символа: это стихи о назначении поэзии. Возможно, такие изменения в употреблении прилагательного *душистый* отражают утрату естественности восторженной реакции на явления окружающего мира. Одновременно в произведениях Фета становится больше размышлений и философских обобщений, в частности о назначении поэзии. Особую значимость приобретает образ женщины, выходящий на первый план в поздних стихотворениях, и любовь, осознаваемая как высшая ценность жизни. С этим и связано появление слов-символов в поздней лирике Фета.

Интересно, что слово «звезда» тоже употребляется в стихотворениях, созданных Фетом с 1841 по 1856 год, чаще, чем в более позднее время, тоже в необычайно многообразных сочетаниях и чаще всего (не всегда!) в прямом значении, а в поздние годы приобретает символический смысл [Лукинова, 2010: 46–48]. О той же тенденции по

отношению к употреблению слова «грач» в поэзии Фета пишет исследовательница Эмили Кленин в первой части своей книги *The poetics by Afanasy Fet* («Поэтика Афанасия Фета»): «In the 1840s, Fet's rooks were vernal – more precisely, Fet's rook. In the spring rooks show up one at a time, seeking food for their young, often in cultivated fields. That is what they do in northern Europe, and that is what they do in early Fet. His later work is different. He is often considered a nature poet, but the late Fet had small use for nature for its own sake. He used it symbolically» [Klenin, 2002:32, 33]. (В 40-е годы фетовские грачи (вернее, фетовский грач) были весенними. Прилет грачей является признаком весны, когда грачи часто бродят по вспаханным полям, разыскивая корм для птенцов. Так они ведут себя в странах северной Европы, и так они ведут себя в ранних произведениях Фета. Не то в поздних его работах. Фета часто считают поэтом, воспевающим природу, но в позднем творчестве, обращаясь к образам природы, он использует их символически. (Пер. Лукиновой А.Р.).

Очень интересен и недостаточно изучен период поэзии Фета 1857–1874 годов, когда поэт писал намного меньше, чем в другие годы. Существует пять стихотворений этого периода творчества с

прилагательным *душистый*, и употребление его своеобразно: значение слова становится необыкновенно емким, непонятным и обедненным вне общего контекста стихотворения. Это прилагательное уже является характеристикой не одного предмета, а общего состояния мира в точно определенный момент времени (в весенний день в стихотворении «Мотылек мальчику») или какой-то существенной части мира (например, леса в стихотворении «Солнце ниже лучами в отвес»).

В произведениях второго периода появляются стихотворения, в которых лирический сюжет разворачивается не «от внешнего мира к душевным настроениям», по замечанию Б.Я. Бухштаба [Фет, 1937:672], что характерно для лирики 1841–1856 гг., а иначе: от повседневных дел к миру природы, несущему спокойствие и ощущение себя частью Вселенной.

Образы земной и космической природы несут сходное содержание в ранней и в поздней лирике Фета. «Душистая роза», «душистая пища», то есть образы из мира земной красоты, созвучны звёздным, однако звёзды – начало исходное. Так, в стихотворении «Угасшим звездам», датированном 6 мая 1890 года, определяется главное в поэзии А.А. Фета – воспевать звёзды – источник красоты мироздания.

Библиографический список

1. Фет А.А. Полное собрание стихотворений. – М.: Советский писатель, 1937. – С. 1–897.
2. Мышьякова Н.М. Проблемы поэтики А.А. Фета. Оренбург: Изд. ОГПУ, 2004. – С. 5–134.
3. Пастернак Б.Л. Избранные сочинения. – М., 1998. – С. 6–790.
4. Есенин С.А. Стихотворения. – Минск, Харвест, 2003. – С. 5–415.
5. Фет А.А. Сочинения: В 2-х т. – М.: Худ. лит., 1982. Т. 1. – С. 1–575.
6. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный. Композиция пространства, чувства и слова // О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. – М., 2001. – С. 27–42.
7. Скотов Н.Н. Некрасов и Фет // Скотов Н.Н. Некрасов. Современники и продолжатели. – М., 1986. – С. 151–196.
8. Лукинова А.Р. Развитие представлений о «невыразимом» в творчестве А.А. Фета // Проблемы филологии: язык и литература. – 2010. – № 2. – С. 33–48.
9. Klenin E. The poetics by Afanasy Fet. Koln, Weimar, Wien, 2002. P. 1–409.

A.R. LUKINOVA

THE WORD «ДУШИСТЫЙ» IN FET'S POETRY

The present article is devoted to analysis of the word «душистый» usage in Fet's poetry. It is connected with the problem of Fet's oeuvre evolution.

Key words: душистый; different senses; symbolically; nature; impression; chronological sequence.